

ЮРГИС КУНЧИНАС

Стихи из книги “Путь через лес”

Перевод с литовского НИКИТЫ АГРАНОВСКОГО

От переводчика

По мнению многих, Кунчинас — крупнейший прозаик Литвы последней трети XX века. А кроме того, переводчик, поэт, городская легенда Вильнюса, “внутренний эмигрант” и, судя по свидетельствам современников, запойный алкоголик.

Российскому читателю он известен благодаря русскому изданию его лучшего романа “Туула” и сборника рассказов “Менестрели в пальто макси”. Это зрелые тексты автора, где окончательно сложился даже не столько язык, сколько правила и сущность мира его текстов — фантазмагорических путешествий на границе реальности и сна, населенных маргиналами и алкоголиками и созвучных героям “Москвы—Петушков” Ерофеева, которые идут своим странным путем сквозь тщету бытия.

Тем интереснее контраст, который призваны показать данные переводы. С этого небольшого издания, входившего в серию “Первая книга”, началась литературная карьера Кунчинаса, но ее будущие контуры едва ли можно угадать в приводимых ниже стихах — неровных, часто неаккурат-

ных по форме и нередко отдающих дань традициям мягкой официальной советской лирики, ее неизбежному романтизму. И вместе с тем — вспыхивающих сильными метафорами, неожиданной оптикой наблюдений и их монтажом, создающим поэтический текст.

* * *

В меня направлен властный взгляд зимы.
Очерчен город — контуры и краски.
Сдаваясь притяжению земли,
Всё ближе наши головы к развязке.

Когда в предместьях серые дома
Сулят тебе покой, уютный сумрак,
Ясней пророка видишь, кем дана
Та простота, сокровище безумных.

Поверх белесых крыш, подъездов, труб,
Поверх холмов, поверх садов бесплодных,
Я пробиваю первую из троп —
Таких прямых, отчетливых, бесплотных.

Я не отвел глаза. Тогда зима
Рванулась прочь, окрылена морозом.
Прорезавшая лица полутьма —
Как мимо прогремевшая угроза.

Август

В финале августа — обрыв,
Конец, как у молитвы — амен.
Приходит дождь, листву омыв,
Но под ветвями — пыль и камень.

В финале августа, дрожа,
Ждет голос, никого не встретив.
В финале августа — пожар,
Без нас зажженный кем-то третьим.

Без нас — шумящие леса,
Массив осин, берез и сосен.
Как гребень ведьмы в волосах —
Мотив, с которым входит осень.

В финале у всего — обрыв.
Твои шаги — необратимы.
Так и останешься, застыв,
Под багровеющей рябиной.

Когда за городом

Когда за городом долины и холмы
Полны покоем, пьют протяжный холод,
Когда блестит металл антенн хромых,
Как светляки, где полог тьмы проколот,

Все стынет — голос радио и твой,
Когда окну не победить румянца
Деревьев, расстающихся с листвою,
Мои слова не к нам с тобой стремятся.

Глаза смыкает память, а не сны.
Там чередой пейзажей, на которых
Бежим вдвоем у колоннад лесных,
Ты чуть быстрее. И не сбавляешь скорость.

Потом как будто пусто. Трепет джаза.
Совсем не джаз, а комариный вихрь.
Потемки прячут контуры пейзажа,
Где ты меня нашла не в нас двоих.

А может, так и лучше. Снова в город.
Но ждет, что за чертой осталось и
Что долго после остужает морось;
Когда приятна изморозь листвы,

Когда становятся честны и хрупки люди,
Вода горчит, смывая с горла сладость,
Так тих и так разумен звук прелюдий.
Что понимаю: осень началась.

Отражение

Смолкают споры. Мысли. Как в конверте,
в скорлупке лба теснятся чудеса.
Тускнеет лето, будущие смерти
приходят в разнотравье и леса.

Раз так — прощай, мой крошечный корабль
и добрый незнакомый человек!
Пусть реки здесь кривы, как сноп парабол,
пусть ты, седое небо, рвешься вверх.

[245]

ИЛ 5/2018

Последний свет под крышей гасит вечер,
и лишь лицо в окне — мазок огня.
Сырой проулок сберегает, им подсвечен,
усталость неба, странника, меня.

* * *

Все будет ждать: забытые дела,
густая боль и плотный мрак подлеса.
Луга цветут так медленно. В глаза
вонзается обман — легко и резко.

Все это — не впервые. И опять
ты, онемев, сидишь, согнувшись вдвое.
Как знак вопроса на упрек настроен,
и только SALVE может исцелять

в который раз. Дрожит во тьме рука,
как влажный камень легшая на плечи.
Так летняя жара друзей калечит
и гонит прочь. И бережет врага.

И ты один. А клены — высоки.
И не желая понимать и помнить,
ты сам не знаешь места и строки,
что записал. Там полдень? Сумрак? Полночь?

* * *

Дождь — выше и дольше стен.
Ноют у мёртвых головы.
Мы медленно движемся к тем —
Тяжелым, будто из олова.

В любимые дали — дрозд.
Куда ж ему деться —
Послушному тяге гнезд?
Миграции? Памяти детства?

А может, не осознав
 Ошибку, что путь — бесплодный,
 Ты принял за пух гнезда
 Звезду, ее шар холодный?

Дождь выше и дольше стен.
 Мы тише и строже многих.
 Сквозь головы — гнезда — день
 И ночь: прямота дороги.

Весна с горы Бекеша

прогалина в восемь углов распахнулась ладошка
дозору
 как движутся вёсны что сделано вёснами что
 ты можешь увидеть смотри как вращается воздух
 мужчину с удилицем женщину с белым бельем
 ревущего мальчика группу смакующих пиво
 едва уловимого взглядом кота под антенной хвоста
 найдешь в себе силы вдыхать едко пахнувший дым тот
 дым осени прошлого года дым листьев твоих
почерневших
 увидишь ли девушку в ровном проборе дороги
 а если увидишь сумей угадать ее мысли
 строй воинов все еще бойких старух прозорливых
 худой и возвышенный ксендз одиноко шагает
 ты видишь как двое дерутся а третий стоит и глазеет
 руины строения с грохотом рушат в прицепы
 с прогалины в восемь углов той ты многое можешь
увидеть
 когда встало солнце и если смотреть не устанешь
 пока ты смотрел стали башни тонуть в горизонте
 стыдливые пятна кропят черепичные крыши
 весна настоящая если тех крыш не увидеть
 стущается зелень легко заполняя пейзажи
 постой на горе уложи это в памяти прочно
 и до всех весен грядущих память свою охраняй

* * *

Вдали от наших дней, дорог, угля —
 пир плесени и крошево барокко,
 оборка, танцем поднятая робко,
 и твердый взгляд из черного угла.

Ряд почерневших окон, ветхий том,
сухой цветок на тысячной странице,
та, кто читает и уснуть боится,
и доски пола, прячущие стон.

Часы, давно стоящие, фаянс
глочет муть, текущую из крана,
пронзительность мышиноного сопрано,
фальшивит пианино — си-фа-ля.

Дороги, что порой не различить,
в траве улитка выставляет рожки.
И птичьи гнезда под коньком сторожки,
июльский день, последние лучи.

Слепая старость, перечень потерь,
где не хватает лишь последних строчек.
Одна, совсем одна. Боль не отсрочишь.
И только ветер открывает дверь.
